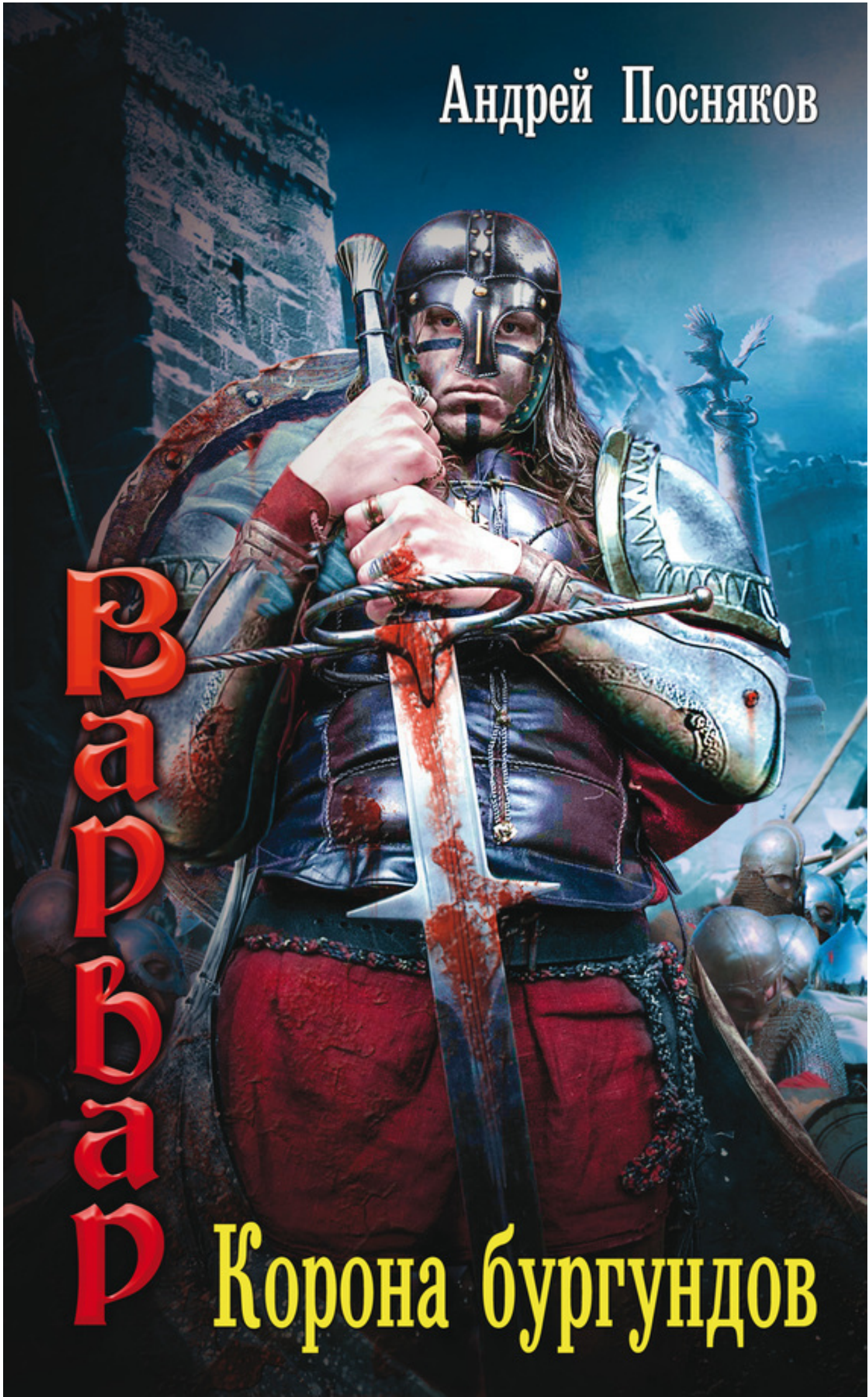

Андрей Посняков

В
а
р
в
а
р

Корона бургундов

Ведунская серия (АСТ)

Андрей Посняков
Корона бургундов

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Корона бургундов / А. А. Посняков — «Издательство АСТ»,
2016 — (Ведунская серия (АСТ))

ISBN 978-5-17-097497-9

Сталкиваясь, гремят щиты, утробно грохочут боевые барабаны, голодными волками воют трубы! Звенят мечи, и тучи стрел затмили небо. 453 год. В последней битве за Галлию встретились огромное войско вестготского короля Торисмунда и непобедимая рать Аттилы. Однако была еще и третья сторона – чума, которую одинаково боялись все. В рядах гуннской рати отважно сражается словенский князь Радомир, сражается вовсе не за победу Аттилы, а за свое счастье. Свое и своей юной супруги – Хильды, Ильдико – девы из древних бургундских легенд. Дева и древняя корона бургундов – все это вместе дает невиданное могущество и власть, именно в этом – последний шанс Аттилы, именно ради этого ищет красавицу Ильдико посланный могущественным властелином гуннов друид – последний друид Галлии, еще приносивший в далеких горах кровавые жертвы жестоким древним богам. Возродить язычество – вот цель друида, ради этой цели он намерен использовать самого Аттилу, позднее прозванного «Божьим бичом». Ильдико-Хильда похищена, но об этом не догадывается Радомир, отправившийся в Галлию за короной бургундов, ведь именно она сможет спасти от неминуемой гибели его юную жену. Спасти... и вернуть в двадцать первый век, ведь Радомир – Родион Миронов – попал в те древние и жуткие времена из нашей эпохи.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097497-9

© Посняков А. А., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Анатольевич Посняков

Корона бургундов

© Андрей Посняков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Лето. Южная лесостепь

Вот это новости!

В кабине не нового, но вполне еще крепкого грузовичка ГАЗ-51 ехали трое. Водитель, Серега, конечно же, мог бы подвезти пассажиров и в кузове, да вот только с кем тогда поболтать? Самому с собой, что ли. Обычно Серега песни пел, разные: то протяжные, из кинофильма «Кубанские казаки», а то – задорные, частушки, что по праздникам наигрывал в местном клубе Кольша-гармонист.

Вот как раз о Кольше шофер сейчас и говорил, вспоминая, как упившийся гармонист как-то по осени, ближе к октябрьским праздникам, упал в глубокую лужу.

– Главное ведь – и как не замерз-то?

– Видно, Бог спас, – улыбнулась пассажирка – очень красивая девушка лет восемнадцати, с большими темно-голубыми глазами и длинными, падающими на плечи, волосами, цвета белого золота. Именно так – не серебра, а белого золота, есть ведь и такой цвет.

– Бог? Так ведь Кольша, извините-простите, неверующий, как и все, – сбрасывая скорость на повороте, хмыкнул водила. – Он ведь не дед какой-нибудь, Кольша-то, хотя и не парень – мужик самостоятельный, взрослый, войну еще застал – как раз в сорок пятом призвался.

Шофер ненадолго замолк, искоса оглядывая пассажиров – девчонка, да, очень красивая, с такой не стыдно показаться в клубе. Еще бы приодеть, а то... Платье какое-то старорежимное, с вышивками, такое, верно, лет сто назад старухи по праздникам одевали, когда еще не старухами были, а молодыми девками... такими вот, как эта. Ишь, глазища-то! Как два моря! Эх-х...

Непроизвольно вздохнув, Серега прибавил скорость – с девками ему пока что-то не очень везло. До армии никого не было, никого серьезного, да и вот, после службы что-то не очень клеилось. Ну, так ведь недавно и вернулся, какие наши годы? А этому парню, Родиону – так ведь его зовут, кажется – с девчонкой повезло. Интересно, кто она ему? Неужели – жена? Что ж, в таком случае только позавидовать можно. А вообще-то – оба они странные. Одеты – черт-те как! На парне – рубаха длинная, стариковская, красным пояском подпоясанная, такие же стариковские штаны, а уж обувь... башмаки, вроде как кожаные, но – наподобие лаптей, с оплеткой.

– Извините-простите, это что же у вас за одежда-то?

– А, честно сказать, с пугала сняли, – как-то не сразу отозвался Родион. – На попутках добрались, жарко, употели все, а тут – речка. Ну и решили выкупаться... Плавали, глядь – ни одежды, ни чемодана. А тут, на огородах – пугала... Ну, не голыми же идти? Вообще-то мы – туристы, слет у нас тут.

– Угу, угу, – покивал шофер. – Туристы, значит? А где вы купались-то? Случайно, не у железнодорожного переезда?

– Да... вроде там.

– Тогда понятно. Извините-простите, местечко приметное.

– А что такое?

– Да так... Мазурики всякие, шпана городская – как раз у переезда отдыхать любят. Сколько их не отваживали, а все без толку. Ну, ничего, дайте срок, всех комсомольцев в станице подыдем... А вы где живете-то?

– Далек, на севере, в лесах...

– Из староверов, что ли?

– Ну... почти.

– А я так и подумал! – засмеялся шофер. – Говор у вас уж больно чудной – на старинный лад. Особенно вот, у... Ой... Забыл ведь имя-то, извините-простите...

– Хильда я...

– Что-о?! – шофер повернул голову. – Не расслышал, извините-простите.

– Лидой мою супругу зовут, – улыбнулся парень.

Обычный такой, но смазливый, из тех, что девкам дюже нравятся, не слабый, мускулистый, высокий, патлы нестриженные, светлые, а глаза – карие.

– Радик, извини-прости, спрошу – а ты что такой лохматый-то? Не из попов часом? Или, может, этот... семинарист.

– Да нет... – усмехнувшись, Родион прислушался к ровному шуму мотора и, одобрительно кивнув, похвалил. – А движок-то, я смотрю, ничего!

– Ха! Ничего? – обиженно дернул плечом водила. – Да я его только весной перебрал! Теперь и оборотиков прибавить можно... Восемьдесят запросто прет! Ну... недолго, правда, дольше нельзя – греется. Да и вкладыши коленвала полететь могут, стеллабитовые, плавятся, гады, а масла для смазки не хватает – конструкцией мотора не предусмотрено. Зато цилиндрам сносу нет и кольца хромированные. Вообще, движок – что надо! Да что я тебе рассказываю, ты ж сам, говоришь – шофер.

– Шофер, – кивнул Родион... и хотел было добавить, что на таком музейном старье отродясь не ездил, но не успел – расхваленный Серегой двигатель вдруг зачихал... и заглох.

– Вот черт! – остановив катящуюся по инерции машину, выругался водитель. – Ведь только что... Сейчас, извините-простите, гляну.

– Пойду, помогу... – Родион нежно погладил по щеке девушку. – Милая, ты как? Не тошнит от скорости?

– Не тошнит, – улыбнулась Хильда. – Только жарко. А скорость... так она на лошади куда как больше чувствуется. А здесь что – сел да сиди. Только вот запах... не то, чтобы неприятный, но – незнакомый какой-то.

– Бензин.

– Вот видишь – ты здесь все знаешь. А значит, и мне не из-за чего беспокоиться. К тому ж я тебе обещала ничему не удивляться... вот и не удивляюсь. Но, когда одни останемся – тебя много чего спрошу.

– Спрашивай, – хохотнув, молодой человек чмокнул девушку в щеку и выпрыгнул из кабины, галантно подав руку. – Прошу.

– Вспомнила! – спрыгнув на обочину, Хильда радостно всплеснула руками. – У Влеку-мера-жреца так же вот снадобья пахли. Ой... сколько ромашек здесь! И васильки, и колокольчики. Пойду, нарву на венок?

– Рви, милая.

Девушка улыбнулась, слегка качнув головой, в темно-голубых, глубоких, как океан, глазах ее вдруг вспыхнули лукавые искорки.

– Ах, если бы не этот возница. Как ты его назвал?

– Шофер.

– Шо-фер. Кажется, он неплохой парень. Забавный. Я бы даже сказал – смешной. Но – славный, да-да, славный. И нерешительный... такой же, как – иногда – ты.

– Это я-то – нерешительный?

– А помнишь нашу свадьбу, там, в Галлии? Секвана-река, арена Лютеции... Никогда такого не было, чтобы готы со словенами венчались. Хотя, говорят, в седую старину – было. Еще до гуннов.

– Ладно, собирай свои цветки, милая. А я шоферу помогу.

Это Родион произнес вовремя – водила как раз выглянул из-под открытой крышки капота:

- Слышь, Радик... Ты тут гаечку одну зажми...
- Молодой человек вскочил на бампер:
- Не переживай, починим.
- Уже измазавшийся в масле Серега потерянно махнул рукой:
- Если не починим... Ох, устроит мне тогда Степаныч головомойку – извини-прости!
- Еще и номер, вон, передний потерял. Видать, на болотине, теперь хоть обратно езжай. Ладно, завтра в тех краях буду – заверну, гляну.
- Серый, дай-ка на двенадцать ключ... Ага... Теперь тут поддержи отверткой. Угу... А ты чего вообще на болотине-то делал?
- Да за водичкой свернул... Понимаешь, забыл с утра долить.
- Эх, слышал бы тебя наш старшина Дормидонт Кондратьевич! Ты б у него за такие слова до конца службы из нарядов не вылез... Что, радиатор течет?
- Да есть маленько.
- Так делай!
- Извини-прости, некогда сейчас – страда, а шоферов у нас мало.
- Некогда ему... Давай тут покрутим... о-оп!
- А ты, Радик, где служил-то?
- В Заполярье.
- А я на Дальнем Востоке, в Хабаровске. Давно демобилизовался?
- Весной.
- А я осенью. Ха! Извини-прости, ты когда хоть такие патлы успел отрастить? И, главное – зачем? Ты, может, этот – стилига, что ли?
- Сам ты стилига! Просто... просто я это... в самодеятельности участвую.
- Ого! И я! У нас целый народный хор есть и этот... оркестр русских народных инструментов. Один Кольша-гармонист чего стоит, хоть, между нами говоря, и пьяница. А вот еще с ним случай был...
- На десять ключ есть?
- Да был. Вон тут где-то.
- Подержи... Ага... Теперь попробуем завести.
- Двигатель завелся сразу, заурчал, заработал, к вящей радости шофера Сереги, который, похоже, водила был тот еще.
- А ну, погазуй! – махнул рукой Радик. – Погазуй, говорю... Ага... Ну, все, кажется. Едем.
- Едем! – радостно отозвался водитель. – Извините-простите, доставлю в лучшем виде! Вам куда? В станицу?
- В станицу, – улыбнувшись, молодой человек помог забраться в кабину супруге и уселся рядом. – Куда же еще-то?
- Ой! – поправив на голове венок, засмеялась Хильда. – У тебя, милый, нос и щеки – в грязи испачкались, дай-ка, вытру.
- Ха, вытру, – переключив передачку, усмехнулся Серый, грязный не менее, а быть может, и более. – Тут бензином надо.
- Оставляя за собой столб густо-желтой пыли, грузовичок бодро покатил по грунтовке.
- Хорошая машина, – снова принялся хвалить водитель. – Я вот в армии на сто пятьдесят первом ЗИСе ездил, ну, ты знаешь, «утюгом» еще их прозывают.
- У нас называли – «колун». Только сто пятьдесят седьмой... и не ЗИС, а...
- Так вот, я и говорю – вездеход якобы! Заедешь куда в грязь – нипочем сам не выберешься, задние-то колеса – двойные, им колею заново пробивать, забьются всякой хренью, тьфу! Вот шестьдесят третий газон – куда лучше.
- А этот, я смотрю, в неплохом состоянии.

- Так всего-то восемь лет машине!
- Сколько-сколько?!
- О! – вместо ответа, водила кивнул в окно. – Вот и приехали – вон она, станица!

Хильда с Родионом давно уже с любопытством пялились в окошки. Станица оказалась довольно большой и выглядела, как и должно, наверное, выглядеть любому сельскому поселению без всяких урбанистических выкрутасов. Основу всех местных строений составлял обширный частный сектор – беленые мазанки с живописными садиками, кроме того, на главной площади, где наконец остановилась машина, располагались с полдюжину двухэтажных домов, облицованных разноцветной штукатуркой. Над входом в каждый из них имелась вывеска, на том здании, возле которого сошли пассажиры ГАЗона, было написано...

Родион не успел прочитать.

– Здравствуйте, граждане! – прозвучала четкая фраза. – Кто такие будете?

Милиционер!

Родион вздрогнул, хотя никаких причин опасаться милиции не имел, просто... Просто милиционер – именно милиционер, а не «господин полицейский» – выглядел как-то... по опереточному, что ли. Словно бы и не настоящий – в синих галифе и ослепительно белом кителе, в такой же белой фуражке. Между прочим – при кобуре и густых черных усах.

– Здравствуйте, гос... товарищ старший лейтенант, – посмотрев на погоны, Родион приветствовал представителя власти на армейский манер. – Мы... с супругой – туристы, вот, заблудились, отстали от своих.

– Одеты вы странно, – задумчиво промолвил милиционер и, искоса взглянув на водителя, ухмыльнулся. – А вы, товарищ Шматко, почему не на колхозном поле?

– Так, извините-простите, в город ездил, агронома отвозил. У меня и маршрутное задание есть, вот...

Сергея – как показалось Родиону, несколько суетливо – вытащил из кармана замасленной спецовки сложенный вчетверо листок.

– Та-ак... – милиционер внимательно вчитался. – Все есть – печать, подпись – директор МТС товарищ Райский. Лично к вам, товарищ Шматко, у меня претензий нет. А вот у директора МТС – найдутся! Он тебя уже часа три дожидается, костерит, почему зря.

– Дак это... сломался немножко – чинили.

– Это ты начальству своему расскажешь. Давай-ка, Серега, езжай!

– Да-да, – поспешно убрав маршрутный листок, водила запрыгнул в кабину. – А как же...

– А с этими гражданами я разберусь, не сомневайся.

– Да, да, мы уж тут теперь сами, – улыбнулся Родион. – Спасибо, Серега, что подвез.

Махнув рукой Сереге, милиционер обвел молодых людей долгим подозрительным взглядом:

– Туристы, говорите? Ну-ну... идемте-ка, граждане, со мной! Посмотрим, какие вы туристы.

– Да-да, конечно, – взяв супругу под руку, молодой человек улыбнулся. – Товарищ старший лейтенант, нам бы позвонить...

– Позвоните, – положив руку на кобуру, представитель власти подкрутил усы. – Или я за вас позвоню... куда следует. Ну, шагайте же, чего встали? Не вздумайте только бежать... пуля догонит.

– Это шутки у вас такие?

– Шутки, шутки. Во-он к тому крылечку шагайте.

Хильда с любопытством крутила по сторонам головой, но куда ничего не спрашивала – терпела, как и обещала, старательно скрывая удивление. Кстати, Родион тоже оказался удивлен ничуть не меньше, во все глаза рассматривая прохожих: пожилых женщин в ситцевых платьях,

платках и каких-то непонятных чоботах, вежливо кивнувшего милиционеру велосипедиста – молодого белобрысого парня в белой, с выпущенным поверх пиджака воротником, рубашке, и – несмотря на ощутимую жару – в кирзовых сапогах.

– Здравствуйте, товарищ Лапиков!

– Здорово, комсорг!

– На собрание завтра приходите, не забудьте.

– Не забуду, – старший лейтенант махнул рукой. – В клубе будет?

– В правлении. Вечером, поздно. Повестка дня – «О повышении темпов уборочной».

– Хорошо, буду.

– Хэй, хэй! – из какой-то улочки вылетала вдруг босоногая ребятня, гоня перед собой большой обруч. – Здравсьте, дяденька участковый!

– Здорово, хлопцы. Куда так спешите?

– На пришкольный участок, а потом – на ток.

– Молодцы! Правильно, нечего в страду бездельничать... как некоторые турысты. Вон, по крылечку поднимайтесь. Вы, гражданочка, пока, вот туда, в уголок, присядьте. А вы, молодой человек – сюда, перед столом. Ну-с...

Усевшись за конторский стол возле массивного сейфа, старший лейтенант подвинул к себе листок бумаги и, взял в руку какую-то совсем уж антикварную ручку с пером, спросил:

– Итак... Фамилия, имя, отчество?

– Миронов, Родион Дании... – начал было Радик, да, машинально подняв глаза, так и застыл.

Сверху, с висящего над сейфом портрета, на него строго взирал некий товарищ с несколько одутловатым лицом и в пенсне – Лаврентий Павлович Берия!

– Ах, вон оно что-о... – шепотом протянул молодой человек. – То-то я и смотрю – «газон», комсорг, собрание... Берии вон, потрет. Значит, промахнулись – попали в пятьдесят третий год! Или, скорее даже в пятьдесят второй. Хотя нет – в пятьдесят третий, иначе б тут Сталина портрет висел, а не Берии. А Берию, кстати, летом пятьдесят третьего арестовали уже, в конце июля... или чуть позже... эх, не вспомнить точно...

– Что вы там шепчете, молодой человек? Итак, Миронов, Родион...

– Родион Даниилович.

– Ишь ты – Даниилович! Год рождения?

– Год?

Тут внезапно зазвонил телефон.

Родион родился в конце двадцатого века. Рос без родителей, у приютившей его тетки, относившейся к племяннику довольно прохладно. Ну, да ладно – окончил школу, ПТУ (профессиональный лицей, как сейчас говорят), отслужив в армии, подался в фирму «Стройлес», водителем лесовоза с фискарсом, и даже поступил в местный филиал университета на факультет социальных – просто интересно было. С детства занимался туризмом, а это такая заразная штука, что с годами не проходит, а, наоборот, становится все привязчивее – вот и Радик, взяв на работе пару недель за свой счет, рванул в августе на туристский слет, сюда вот и рванул – на юг России. С друзьями, с преподавателями, с девушками. С песнями у ночного костра и романтическими прогулками под луною, короче – со всем тем, что делает таким привлекательным спортивный туризм, который для многих уже не просто спорт – образ жизни.

Ой, как славно-то было... До тех пор, пока Радик на ночном ориентировании не провалился в болото... из которого выбрался в пятый век от рождества Христова! Во времена гуннов и их могучего повелителя – Атиллы!

Молодой человек и раньше видел странные сны – ему снилось, что он – могучий древний богатырь, словенский князь Радомир, снились бескрайние степи и кровавые битвы, и сни-

лась она... Хильда, готская красавица с темно-голубыми глазами. Таких нереальных красавиц Радик не видел наяву никогда... а в своих снах знал, что именно она предназначена ему в суженые! Так и вышло, так стало... Но один Господь знает, сколько для этого пришлось пережить! Стать своим в словенском роду, попасть к гуннам в качестве «налога кровью», изведать черное предательство и дружбу... и, конечно – любовь! Хильда... Молодой человек даже не знал – счастлив ли был в том времени, времени смутных легенд? С одной стороны – рядом Хильда и верные друзья, положение в обществе, которого добился сам, особенно, после знаменитой битвы в Галлии, на Каталаунских полях, битвы народов, во время которой войска Аттилы вынуждены были уступить римскому полководцу Аэцию.

После битвы доверенное лицо повелителя, Варимберт-херцог, отправил Родиона – Радомира или просто – Рада, как звали его все – обратно к словенам, набрать небольшой отряд. Родион поехал... решив сделать все, чтобы вернуться домой, в свою эпоху. Вернуться не одному, конечно же – с Хильдой, а как же иначе?! Ведь эта славная девушка верила ему, любила... и, кстати, тоже видела сны. Сны – о будущем. Потому, наверное, и не боялась сейчас ни автомашин, да и вообще ничего. Что и говорить – в мире нашлось бы мало того, что могло по-настоящему испугать готскую красавицу-принцессу.

– Да, да, Федот Степаныч, сидит у меня тут какой-то... Ну, подъезжай, заходи, ладно, посмотрим.

Положив трубку на рычаг черного телефонного аппарата, старший лейтенант – судя по всему – местный участковый уполномоченный – вздохнул и посмотрел на задержанного:

– Так ты, говорят, шофер?

– Шофер, – согласно кивнул молодой человек и, предупреждая следующий вопрос, промолвил: – Только документов у меня нет – все украли!

– Ах, вот как? Украли, значит? – представитель власти азартно хлопнул руками. – Признаться, нечто подобное я и ожидал. Эх, жаль, самому некогда с вами заняться – уж, поверь, раскрутил бы, не таких раскручивал – но... Сейчас опрошу да передам вас в район, а уж там как знают. А сам – в Москву, на курсы! – старший лейтенант закатил глаза и мечтательно улыбнулся. – Эх, Москва, Москва, столица. Давненько я там не был, с войны, тогда совсем сопливый был, вот, как ты...

За окном, на улице, шумнула машина, в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, в кабинет вошел дородный товарищ лет пятидесяти, в серой пиджачной паре, вышитой украинской рубашке и шляпе. Круглое, в общем-то, добродушное, лицо незнакомца было покрыто крупными каплями пота, стекавшими за ворот рубашки полноводными весенними ручьями. Портрет дополняли вислые казацкие усы непонятного рыжеватого-седоватого цвета и орден Красной Звезды.

– Здорово, Василич, – поручкавшись с участковым, вошедший скользнул любопытным взглядом по скромно притулившейся в уголке Хильде и тут же повернулся к Радик:

– Ты Сереге Шматко машину починить помог?

– Это «газон»-то? – молодой человек пожал плечами. – Ну – я. Там у него еще радиатор течет... Снять недолго.

– Ай, молодец! Тебя Родионом кличут?

– Родионом.

– А я – Федот Степаныч Райский, директор здешней МТС...

– Телефонной сети?!

– Шутим... Машинно-тракторной станции! Мне шофер и механик во как, позарез нужны! Страда, сам понимаешь.

– Э, э, Степаныч! – замахал руками милиционер. – А ну-ка, охолони. Не знаю, какой этот парень шофер...

– Зато я знаю!

– ...а документов-то у него, точно, нет никаких!

– И про это я слышал, – пододвинув свободный стул, директор машинно-тракторной станции уселся перед участковым и сузил глаза. – Подумаешь, документы украли. Развели тут мазуриков. А товарищ Берия на съезде колхозников-ударников что сказал? Излишняя подозрительность вредит делу – вот что! И товарищ Маленков, кстати, его...

– Ой, Степаныч! – участковый схватился за голову. – А может, эти двое – английские шпионы? Или – американские? Вредить нам заброшены.

– Ага, шпионы... С такими-то патлами? Это все равно, что табличку на груди повесить: «я – английский шпион», хватай меня, доблестный товарищ Лапиков, получай на погон лишнюю звездочку. Так ведь не получишь! Посмешищем только в районе станешь, ты ведь их в район собрался отправить?

– Ну, в район, – неохотно согласился старший лейтенант. – Ты ж сам знаешь, мне завтра на курсы ехать, сейчас уж и выезжать, пока в райцентр доберусь, пока поезд. Этих бы заодно и свез, сдал бы. Пусть уж в районе с ними решают.

– Так-так... – еще больше прищурился Райский. – Значит, не хочешь родному колхозу помочь, шофера лишаешь. И это – в страду! Вредитель ты, товарищ Лапиков, самый настоящий вредитель!

– Ну-ну, – поиграв желваками, участковый расстегнул китель. – Ты это... не очень-то!

– Ох, Василич, Василич... водички нальешь?

– Да пей, вон графин.

– Спасибо, – напившись, директор МТС поставил стакан на стол и продолжил, хищно глядя на старшего лейтенанта: – Ты надолго на курсы-то?

– На десять дней.

– Вот декаду, значит. Вот и отлично! Мы как раз уборочную закончим... почти. Ну, оставь шоферюгу, а? Запросы мы, куда надо, отправим. Сам подумай, всего-то десять дней? Ну, чего эти «шпионы» сопленосые здесь натворят-то?

– Ну, не могу я, понимаешь – не-мо-гу!

– Василич, ты зарплату от кого получаешь?

– От колхоза «Светлый путь», а что?

– А то. Дай-ка телефон, позвоню председателю.

Шумно вздохнув, директор завертел диск:

– Але, але... Девушка! Ты мне председателя дай-ка, колхоза «Светлый путь» председателя, Капитонова Михаила Кузьмича... Ага... Товарищ Капитонов? Кузьмич? Это я, Райский... Рад, что узнал. Нет, это не у меня «чего», это у тебя «чего». Ты у меня, кажется, лишний грузовичок просил на уборочную? Да есть, есть... роскошный Зис-пятый... да, и водитель имеется... только вот участковый твой – против! Ну, приехал к нам молодой парень с женой – отдохнуть, украли у него документы на переезде, там гадюшник же, сам знаешь... и что же? Как им теперь обратно домой ехать, без денег, без паспортов. А так бы... так бы парень-то, шофер который, у нас бы еще и заработал... уж придумали бы что-нибудь... Что-что?

Федот Степаныч протянул трубку участковому:

– Председатель. С тобой поговорить хочет.

На этот раз вздохнул милиционер:

– Слушаю, Михаил Кузьмич... Никак нет, Михаил Кузьмич! На поруки? Гм... не знаю, не знаю... Парторга подключите? И комсорга? А если у вас водокачку рванут? Или – МТС? Под личную ответственность... И расписку напишете? Что-то? Даже справку...

Подложив трубку, участковый устало махнул рукой и неожиданно улыбнулся:

– Ладно, уговорили. Но запросы все, честь по чести, отправьте. Я как раз приеду – ответы получу.

– Не сомневайся, парторг этим займется, он мужик въедливый.

– Ох, дядько Федот... – участковый причмокнул и махнул рукой. – Ну, что с тобой делать? Уговорил.

– Уговорил, а как же?! Так ведь не ради ж себя стараюсь... А ты, племяшь, слышишь, ты мне из Москвы-то, чего наказывал, привези, не забудь.

– Да уж, не забуду. А ты уж, дядюшка, за этим присмотри!

– Да не журишь, хлопче!

В этот же день все и сладилось, да так быстро, что Родион и глазом не успевал моргнуть! Попрошались с участковым, поехали с директором на бежевой «Победе» – ух, и машина! – к какой-то его родственнице, там, в ее хате, и поселились, то есть поселилась-то Хильда. Родиона Федот Степаныч сразу же забрал с собой, привез на МТС, показал богом забытый трехтонный «ЗИС» и сказал – делай.

– Хорошая машина – проходимый, бензин любой ест, только в надлежащий вид привести осталось.

Чем молодой человек и занялся, памятуя, что на подготовку грузовика к работе ему отвели всего день, до вечера, ну, или, в крайнем случае – до утра. Но с утра – по-любому – на полевой стан! Ничего не поделаешь – засучив рукава, юноша принялся за работу. Да и не таким уж и страшным оказался серый волк – сиречь «ЗиС», при ближайшем рассмотрении – машина как машина, проще пареной репы! Вариант почти военный – с фанерной кабиной, без бампера, с тормозами на одни задние колеса.

Родион уже часам к шести со всем управился, даже съездил – тут, недалече – к речке, помыл грузовик... Ой, стремно было в кабине! Спартанская роскошь – обитая старым дерматином сидуха, баранка да два рычага – переключение передач и ручной тормоз. Приборов – по минимуму, как на старом «Запорожце», и больше, пожалуй, ничего, даже МП-3 магнитолы – и той не имелось, как хочешь, так и ездил. Впрочем, мотор тянул исправно.

А вечером, как стемнело, вернулись шоферы. Поставив машинки, закурили, позубоскалили насчет новичка, кто-то вспомнил о машинке для стрижки волос, мол, есть у него дома немецкая...

– Есть, так съезди, – подойдя, тут же распорядился директор. – Негоже парню с патлами такими ходить, МТС нашу позорить.

– Слышь, Федот Степаныч, мне Родька обещал с радиатором подмогнуть...

– Так подмогнет, коль обещал – а подстричься-то человеку все одно – надо.

Родион, конечно, не очень-то и хотел подстригаться, но понимал – надо, а потому покорно стянул через голову рубаху, подставив под трюфельный аппарат голову.

Слава богу, хозяин сего сокровища циркульником оказался неплохим и провозился недолго, сообразив что-то типа «полубокса»... Родиону, в общем, понравилось – он в армии так же ходил.

– Экий гарный хлопек получился! – заценили шоферы. – Девки на току шеи свернут.

– Да ладно вам, – молодой человек засмутился. – Пойду я, Серому помогу...

– Успеешь помочь – давай-ка сначала познакомимся, парень.

Познакомился. В общем, неплохие ребята на МТС собрались, толковые и к технике прикипевшие, да и – судя по отдельным репликам – выпить далеко не дураки. Правда, не сейчас...

Один тракторист – здоровущий, под два метра, мужик, Евсеем его звали, так прямо и заявил, украдкой оглядываясь на отправившегося в контору директора:

– Вот, Родя, хлеб на элеватор вывезем, аванс получим, а уж потом и познакомимся по-настоящему... по-нашему... в чайной!

– Чай, что ли, пить будем? – улыбнулся Радик.

– Ага... чай... – верзила ухмыльнулся, а стоявшие рядом водители засмеялись, впрочем – не обидно, не зло.

– Все ржете, жеребцы?! – Федот Степаныч, спустившись с конторского крыльца во двор, подошел к боксам, зорко оглядывая машины. – Серега, черт худой!

– Да? – оторвался от радиатора старый – а, вернее сказать – первый – Родькин знакомец...

– Ты куда номер дел, лишенец?

– Да я это...

– Только не говори, что потерял!

– Ну, Федот Степаныч... даже не знаю и где.

– Чтoб завтра же нашел и привинтил. Доложишь!

– Эх, Степаныч...

Махнув рукой, Серега обиженно склонился над радиатором.

Часа полтора они провозились, Серый и его добровольно вызвавшийся помощничек – Родион. Директор, кстати, так домой и не ушел – в конторе допоздна горел свет и слышен был звук печатающей машинки.

– Кури, брат! – закончив работу, оба ремонтника наконец уселись на старую покрывку.

– А, ты ж не куришь... ну, извини, больше угостить нечем! Разве что... – тут Серый, покосившись на конторское окно, понизил голос. – У меня тетка такую горилку гонит! Закачаешься! Да и вино у нее доброе... Вот, страду закончим – угощу, век помнить будешь.

– Надеюсь, – Родион улыбнулся, глядя на жаркие – или казавшиеся таковыми – звезды.

– Слышь, брат, – помолчав, продолжал собеседник. – А тебе чего к себе на севера-то возвращаться? Оставался бы с супругой у нас, а? Станица у нас, сам видишь, немаленькая, школа есть, семилетка, медпункт, магазин с клубом. По воскресеньям танцы, по пятницам и субботам – кино привозят. Короче – весело.

– Да уж, не заскучаешь, – ухмыльнулся Рад. – Особенно – по воскресеньям.

– Да нет, извини-прости, я серьезно!

В конторе скрипнула дверь:

– Сидите?

– Так сделали уже, Федот Степаныч.

– И номер нашли?

– Ну, Степаныч, ну, ведь сказал уже...

– Помни: номер – на твоей совести, – директор чиркнул спичкой, закурил, едва не опалив усы, и, выпустив дым, поманил рукой Родиона:

– А ну-ка, парень, зайди. Разговор есть.

– Я тебя тут подожду, – шепнул в спину Серега. – Домой пойдем вместе.

– Угу.

Согласно кивнув, молодой человек поднялся по крыльцу в контору – директор уже сидел за письменным столом, повесив пиджак на спинку стула.

– Звали, Федот Степаныч?

– Звал, звал... Садись, Родя. Ты вот что... не знаю, что там у тебя с документами, но по мне – со всяким может случиться. А что ты не лентяй и работать умеешь – я вижу, и это для меня сейчас – главное. Запросы мы тебе спроворим, не сомневайся... ну, пока ответы придут, то, се... участковый вот вернется, кстати – племян мой. Короче, оформлю я тебя на месяц по срочному договору, заместо другого моего племянника – Вальки. Он, вишь ты, студент, в Ленинграде, в медицинском институте учится – голова! То есть Валька будет по бумагам числиться, а ты – работать... иначе – как?

– А никак, – согласно кивнул Радик.

– Вот и славно, вот и договорились. Завтра с шести утра – жду. Что заработаешь – все твое, уж в этом без обману. Чай, не прежние времена, трудодни давно отменили, спасибо Лаврентию Палычу.

Берию благодарит – про себя усмехнулся юноша. Интересно, за что только? И – разве трудодни в пятьдесят третьем году отменили? Позже, кажется, при Хрущеве... Или – раньше? В сорок седьмом. Нет, в сорок седьмом не трудодни отменили – карточки. Раньше между прочим, чем в Англии. Там-то до конца пятидесятых бедовали – бомжи бомжами – давились ржавой пайковой селедкой. Да и во Франции ничуть не лучше было – в том же Париже больше половины доходных домов вообще не имели лифта, а туалет – один на этаж. Зато, правда – консьержки – этакая помесь сторожихи, уборщицы и «зоркого полицейского глаза».

– Дом-то теткин запомнил? Доберешься один?

– Да я с Серегой. Покажет.

– Ну и славно. До завтра тогда.

– До завтра.

– Да... ты это, если кто будет спрашивать, говори – мол, к нам по комсомольской путевке.

На уборочную страду.

– Хорошо, – обернулся на пороге молодой человек. – Да не переживайте вы так, я ж понятливый.

– Ладно, ладно. Там поглядим.

К дому директорской тетки (если точнее – двоюродной, из тех, что седьмая вода на киселе) Родион с Серым добрались быстро.

Редкие фонари освещали притихшие улицы тусклым оранжевым светом, залиvisto пели в кустах соловьи, а у кого-то за забором лениво забрехал пес.

– Во-он твоей тетки дом, – останавливаясь на углу, показал рукой Серый. – Назавтра до МТС дорогу найдешь?

– Да найду.

– Ну, тогда до завтра. Супруге... привет.

Простившись с Серегой, молодой человек толкнул рукою калитку и, пройдя по неширокой дорожке, постучал в дверь.

– Заходи, заходи, чай, не заперто.

Тетку звали Конкордия Андреевна, и, суди по имени, родилась она при самом настоящем «старом прижиме», даже не николаевском, а – бери дальше – во времена Александра Третьего. В отличие от многих прочих пожилых колхозниц, тетка оказалась грамотной, и даже весьма, всю жизнь проработала в конторе счетоводом, подрабатывала и сейчас, но больше занималась личным подсобным хозяйством – держала кур, уток, а еще имела небольшой огородик с садом. На жизнь хватало, и даже оставалось еще кое-что продать на колхозном рынке, к тому же Конкордия Андреевна, как и многие старики, отличалась... нет, не скупостью, а некоторой прижимистостью, что ли.

Вообще, она Родиону скорее, нравилась – сухонькая востроносенькая старушка, не без определенного юмора.

– А, явился, стахановец? Шти на печи – похлебай, пока жонка твоя в сарае хлопочет.

– В сарае? – удивился юноша.

– Там, там, – старушка махнул рукой. – Я ведь там вам удумала постелить, в холодке, на соломке. И не жарко, и места много, и это... дело-то ведь ваше молодое, знаю – никто вас там не услышит, чего хошь – то и делайте. Да ты садись, садись, милок, к столу-то... А на гвозде, вишь, на стеночке – гимнастерка да спецовочка – старое все, как раз для работы, племянник завез.

– Вот за это ему спасибо!

– Кушай, кушай, – Конкордия Андреевна налила половником щи. – Хлеб вон, бери, не стесняйся. Мужики говорят – ударно сегодня трудился.

– Еще кое-кому помог.

– Сереге «Простите-извините», что ль? Нашел он свой номер-то?

Родион едва щами не подавился: вот это бабка – все уже знает!

– Не, не нашел. Да и где искать-то?

– Ежели в Чертовом болоте утоп – то и не найдет. Гиблое место.

– Чертово болото? – насторожился молодой человек. – А почему его так прозвали?

– Да давно. Нехорошее место считалось. Люди там в старину пропадали, скот, вещи старинные иногда пацанва находила – кольчуги, щиты... И, знаешь, старые – но... словно вчера сделанные!

– Забавное место.

Родион покивал головой, решив для себя предпринять еще одну попытку прорваться. А что еще было делать? Не тут же сидеть – до возвращения участкового оставалось каких-то десять дней. И за этот срок надобно было... Успеть... Что только? И – самое главное – как?

– А жонка-то у тебя ничего, работающая, справная. Я на нее на эти дни огород да птицу оставлю – сама с утра на рынок, да и в райцентр еще надо съездить.

Жаркие звезды сверкали сквозь щели звонкими бриллиантами. Сладко пахло клевером и пряным сеном. Под тонкой полотняною простыней чуть слышно шуршала солома, кололась, а где-то снаружи, рядом, пел свою ночную песню сверчок.

– Ах, милая...

Родион притянул к себе Хильду, обнял, поцеловал в губы, млея от наслаждения, от осознания того, что эта юная красавица – его законная жена.

Тяжело дыша, молодой человек целовал супругу, лаская невидимую в темноте грудь, руки его, легкие, словно крылья, скользили по всему телу женщины, такой желанной, любимой. Рад совсем позабыл про усталость, ибо сейчас не было больше ничего другого, кроме этих широко распахнутых глаз, приоткрытых губ, томного дыхания...

Вот оба выгнулись, застонали, охваченные неземным счастьем, нахлынувшим вдруг волной, томной, жаркой, темно-голубой – как глаза Хильды...

– Я хочу спросить тебя, Рад...

– Спрашивай...

– Мы сейчас где? В селении твоего прежнего рода?

– Не совсем так, – молодой человек задумался, поглаживая по спине прильнувшую к нему супругу. – Скорее, все эти люди... весь род – они жили еще до меня.

– Ага, – улыбнулась девушка. – Понимаю.

Родион про себя удивился: действительно – понимает? Хотя... есть такие вещи, которые древние люди воспринимали куда проще, нежели современные. Для какого-нибудь профессора... да для любого из двадцать первого века сейчас наступил бы глубокий шок, а Хильда – ничего, словно так и надо. Ну, подумаешь – земли иного родаплемени, где люди живут иначе. Земля большая, и много в ней тайн.

– Ты славная, – Рад чмокнул жену в щеку. – И совершенно не ведаешь страха. Ведь эти машины... самобеглые повозки. Ты даже бровью не повела, когда ехала!

– Потому что я их видела раньше.

– Видела? – молодой человек вздрогнул. – Где?!

– В своих снах. Там я их боялась... здесь – нет. Да помнишь же, я тебе говорила!

– Про сны – да. А про повозки – нет.

– Просто... думала – ты не поверишь. Кто же поверит в такое? И я раньше не верила... до тех пор, пока не повстречала тебя. Ты ведь тоже пришел из снов!

– Как и ты... – нежно обнимая супругу, Родион крепко поцеловал ее в губы.

– Я всегда знала, что сны могут становиться явью, – прошептала девушка. – И никто не ведает, где между ним грань. Ведь так?

– Так.

– Вот потому я ничему и не удивляюсь. Просто принимаю, как есть. Только вот речь... я далеко не все понимаю. И говорю... не так, как здесь. Но я стараюсь! И эта славная женщина, Кон-кор-дья... Мы от кого-то прячемся?

– Почему ты так решила?

– Я вижу. Я чувствую.

– Да, прячемся, милая, – признался молодой человек. – От некоторых из этих людей.

– И долго так будем?

– Десять дней. За это время мы должны уйти.

– Снова через болото? Но тогда нам помогал Влекумер-навий... вынужден был помочь. А кто поможет здесь? И ты ведь сам хотел уйти к своему народу. Позвал меня. Нет, я не упрекаю, но...

– Это не мой род, милая Хильда... Я говорил уже – это те, кто жил до меня.

– Твои предки?

– Хм... можно сказать и так.

– Тогда почему бы не попросить их помочь? Я знаю, христиане не делают так... не должны делать, но... Коль уж так сложилось. Я тоже молю Господа. И мы ведь уйдем, уйдем, куда надо, верно?

– Именно так, моя милая, – Родион нежно погладил жену по плечу. – Уйдем, и будем жить счастливо и долго. И будет у нас много детей.

– Дети – это славно, – расслабленно прошептала девушка... и тут же встрепенулась. – Ты сказал – десять дней. А если не успеем, тогда что?

Юноша вздохнул:

– Боюсь, тогда у нас будут проблемы. Ладно! Завтра осмотрюсь, что тут да как, а уж послезавтра отправлюсь на болото, гляну – что там?

– Я с тобой, можно?

– Съездим, ладно. Вижу, Конкордия тебе одежду дала.

– Да.

Утром Родион встал с первыми петухами, осторожно, стараясь не разбудить Хильду, проскользнул по двору к рукомоёйнику.

– А я-то уж думала будить, – вышла на крыльцо старуха Конкордия. – Молодец – сам поднялся.

– Петухи разбудили, – смущенно признался юноша.

– Вот и славно. Ну, иди в дом, я там яишню с салом изжарила.

– Спасибо, Конкордия Андреевна.

Наскоро перекусив, Родион поблагодарил хозяйку и вышел на улицу, где – на углу – уже поджидал Серый.

– Как спалось? Как женушка?

– Хорошо все, спасибо.

– Экий ты вежливый, извините-простите, прямо антилегент, а не шоферюга!

– Да ладно тебе... А денек-то какой сегодня!

– Да, дождя точно не будет, – повернув голову, Серега посмотрел на поднимающееся в светлой дымке солнце. – К обеду разжарит будьте-нате. Тебе-то хорошо – у тебя кабина деревянная, в ней не так жарко. А у меня-то железина накалиться, ровно печь. Ничо, перед обедом заедем на речку, купнемся!

До МТС дошли быстро – не так уж тут и далеко было. Комбайнеры в страду ночевали прямо в поле, а вот трактористы с шоферами уже собрались во дворе – ждали директора. Тот не замедлил появиться – тоже пришел пешком, хотя и жил на другом конце станицы, однако ж – в отличие от большинства нынешних российских чинуш – совесть имел и машину («Победу» бежевую) задницу свою возить не гонял, народный бензин экономил.

– Здорово, Степаныч. Что, аванс скоро?

– Как положено, через неделю, – поднявшись на крыльцо, Федот Степаныч строго оглядел шоферов. – Ну, что, орелики? Подходите за раздачей. Та-ак... Ты, Федор – в Заречье, на дальнее поле... и-и-и... у кого у нас «Студебеккер»? У тебя, Микола? Что молчишь? Ты тоже – в Заречье. Остальные все – как обычно – на ток, там комбайнеров заберете да жинок...

– Жинки – это хорошо!

– Ага... только кое-кому за работу их не угнаться. Ладно... Иваныч, что там у тебя со жнейкой?

– К обеду готова будет.

– Хорошо! После обеда займешься трактором.

– Степаныч, нам бы запчастей.

– Председатель после обеда в район собрался – ему и закажем. Только ты подготовь список.

– Сделаем.

– Ну, все тогда. Нечего тут торчать – по машинам!

Выехав на грунтовку вслед за «газоном» Серого, Родион прибавил газку и ходко покатыл седом... так и ехал, пока вдоволь не наглотался пыли, а тогда уж чуть поотстал, едва не пропустив поворотку на ток, хорошо, кто-то позади посигналил.

На току, под кумачовым лозунгом «Планы партии – планы народа», уже ждали колхозницы, женщины и совсем молодые девахи – как говорил Серега – «гарны дивчины».

Весело ждали, с шутками-прибаутками, с песнями. Так же весело забрались в кузов...

– Ой, Сережка, а у вас что, новый шофер? Молоденький какой... симпатишный... Ой, гляньте-ко, покраснел – стесняется! А как вас, молодой человек, звать? Родион? Прямо, как маршала Малиновского! Ну, что, маршал – поехали! Девки, запевай! Эх, хорошо в стране советской жить...

Работа оказалась несложной, но нудной – подъехать к комбайну, подставить кузовом, потом привезти зерно через весовую на ток – там в кузов забирались девчонки с деревянными лопатами, разгружали, и снова в поле, а потом опять на ток, и так – все время.

После пары-тройки рейсов Рад знал уже – чувствовал! – каждую выбоину, где надо – притормаживал, прокатывал мягко. Оно конечно, у ЗИС-5 подвеска не та, что у «газона», однако молодой человек принаоровился уже – просыпал зерна все меньше и меньше, так что в очереди на весовую даже удостоился похвалы от кого-то у старших коллег:

– А ты молодец, парень – дорогу на лету схватываешь.

Обедали здесь же, на току, под лозунгом, под навесом – рядом уже всю дымил полевая кухня. Густой борщ с чесноком и старым салом, на второе – котлеты с макаронами, плюс компот – обед смолотили быстро, без особых разговоров, без шуточек – некогда было, в страду каждая минута – на вес золота. Что и говорить – так упарились, забыли перед обедом и к речке съездить, да что там – забыли, времени не было!

– Ниче, Родька! – выходя из-за стола, хлопнул по плечу Серый. – Уборочную закончим – такие гулянки закатым, ох! Извините-простите!

– Вот-вот, – одобрительно загудели шоферы. – Некоторые молодые тогда и проставятся. А то как же?!

А солнце уже сделалось белым, и в кабине – даже в деревянной, зисовской – было, словно в бане, и пот стекал по лобу, и липла к плечам майка, а на зубах скрипела въедливая дорожная пыль.

Не так-то просто наполнялись закрома Родины!

Но Радик нравилось, нравилось крутить баранку, шутить на току с девчонками, ощущая запах только что сжатого хлеба. Да уж, шоферы – это не какие-нибудь драные ворюги-олигархи или чиновнички-взяточники! Настоящие мужики, на которых земля держится. В эти вот времена как раз таких работяг и уважали, в отличие от конторских... Ну, какой мужик в контору пойдет бухгалтером?! Разве что старик или больной. Молодому-то парню на конторском стуле сидеть – позор, вовек не отмоешься, да и какая девка за него замуж пойдет? Никакая. И это было – правильно.

Где-то после полудня – часа в четыре – Радик вслед за Серым завернул на ток – наскоро попить чаю.

У весовой стояла бежевая «Победа» Степаныча, сам же директор, подойдя к ЗИСу, похлопал грузовик по капоту:

– Ну, как машина?

– Ничего, Федот Степаныч, – вытерев губы ладонью, улыбнулся Рад. – Тянет.

– Я вижу, что тянет. В общем так, до вечера я за тебя поезжу...

Молодой человек удивленно моргнул.

– Да-да, – ухмыльнулся директор. – Чего глазами хлопаешь? У председателя колхоза «виллис» его чертов сломался... когда еще ему говорил, чтоб на «газик» сменял. Теперь вот звонил только что, машину просил – в райцентр, вишь, ему надо. А мне, между прочим, некогда – у меня народный контроль вот-вот. Так что, Родион, бери «Победу» и гони к председателю – в город поедешь. У него-то шофер – тот еще прощельга, машину ему доверить – ни в жисть, а вот тебе... – Федот Степаныч неожиданно улыбнулся. – Только надо захватить сперва домой – сполоснуться. Но, ты не думай – у Кузьмича в райцентре дел много, вернетесь вы к ночи, а может, и за полночь, но утром, чтоб как штык – на работу, усек!

– Усек, – Рад скосил глаза на «Победу» – машинка была, конечно, классная!

– Ну, тогда давай – поезжай... Да не торопись, чай-то допей, не горит же.

Махнув рукой, директор бросил на лавку пиджак и забрался в прокаленную солнцем кабину ЗИСа.

– Да, не повезло тебе, – искренне посочувствовал Серый. – С председателем-то намаешься. И туда ему надо, и туда, и еще, черт-те, знает, куда. Я вон, зимой с ним ездил – все на свете проклял. Ты легковыми-то управлял?

– «Победой» – нет, – честно признался Радик.

– Ну, ничего там сложного, но... Пошли, покажу.

Вдвоем они забрались в салон, уселись на передний диван, именно что диван, а не сиденье – широкий, обитый кожей... или, скорее, кожзаменителем, но все равно – шикарно! Рычаг переключения передач в этой модели располагался на руле – как у какого-нибудь «американца».

– Вот, смотри, – со знанием дела объяснял Серега. – Первую передачку ты всегда с треском включишь, если сразу, а, чтоб мягонько – сначала включи вторую, а потом – оп – двойной выжим – и рычажок вниз – на себя – снова вниз – первая! Простите-извините – никакого шума и треска. Спокойненько тронулся... А в городе – там и со второй можно запросто. Смекнул?

– Да смекнул, смекнул – спасибо.

– А вот этот рычажок видишь? Указатель поворотов, во! Руку в окно не надо высовывать, чтоб сигналы подать. Ну, все... утром встретимся.

Выскочив из кабины, Серый захлопнул дверь, и Родион запустил двигатель, затем осторожно – как только что показывали – врубил вторую передачку... тут же переключился на первую... тронулся... выехав на дорогу, прибавил газку... Мотор работал мощно, уверенно и тянул – дай боже! Увлечшись, молодой человек едва не проскочил поворот к дому тетки Конкордии. А, уже подъехав, нажал на сигнал...

Возившаяся в огороде Хильда подняла голову... улыбнулась, побежала навстречу.

– Это у тебя теперь вместо коня?

– Можно сказать и так, – стягивая через голову майку, улыбнулся Радик. – А ну-ка, полей водицы... во-он корец возьми... Ага... так... ух, хорошо! Там, в сарае, кажется, старую рубаху видел, должна бы впору быть. Ладно, побежал, некогда.

Чмокнув супругу в щеку, молодой человек быстрым шагом вернулся к машине и, открыв дверцу, обернулся, помахал рукой.

Председатель колхоза «Светлый путь» Михаил Кузьмич Капитонов – грузный мужчина в синем бостоновом костюме и белой полотняной кепке – уже нетерпеливо прохаживался возле правления, у стендов с портретами передовиков и идеологически выверенными плакатами, типа «Колхозник! Береги народное добро!». В левой руке председатель держал объемистый портфель дивной светло-коричневой кожи, а в правой – носовой платок, которым томно обмахивался, время от времени вытирая стекавшие по лбу крупные капли пота.

– А, явился... – устроившись на переднем сиденье, Михаил Кузьмич протянул руку. – Ну, здоров... Чего-то я тебе не припомню? Новенький, что ли? А-а-а, тот, о котором... Ну, едем, едем.

Родион послушно тронул машину.

– Ты, хлопче, не переживай насчет документов да денег, – открыв форточку, шумно вздохнул председатель. – Бывает. Вон, по амнистии много всякой шантрапы выпустили... не блатных, нет, а так, шпанят приклатненных, вот и озоруют, сволочи. Ничо! Скоро их всех припрем, не сомневайся. Ты про поправки к уголовному кодексу слыхал?

– Не слыхал.

– Эх, молодежь, молодежь – во всех же газетах пишут! Теперь три раза по мелкому хулиганству попался – все! За решеточку угодил. Я считаю – правильно. А мелкое хулиганство у нас что? А поскандалил с кем-нибудь в общественном месте, прохожих обругал грубо – вот вам и все. И правильно... Радио-то у Степаныча работает? О!

Протянув руку к панели, Михаил Кузьмич покрутил какую-то ручку... заиграла музыка... оперная, что ли...

МП-3-магнитола, оказывается, тут имелась, просто Родион не обратил внимания. Ну, не МП-3, а что-то вроде – одно радио, но и то по этим временам – роскошь. В машине – и радио! Барство какое-то прямо.

Опера, похоже, председателю не понравилась – он еще половил волн, попалося какое-то утробное «вооруженные решениями партийного съезда, трудящиеся Лаоса показали стойкость и мужество...» – после чего Михаил Кузьмич вырубил радио напрочь.

– Ну, ничего интересного! Нет, чтобы песни какие-нибудь передали... Шуме-е-ел камы-ы-ыш... А, ну-ка, Белград посмотрим... Тут должно ловить!

Опять щелчок... и – музыка... на этот раз, слава богу, не опера, а... рок-н-ролл какой-то! Определенно рок-н-ролл! Би-боп-а-лу-ла... пам-пам-пам...

Дальше председатель не слушал, плюнул в форточку да вырубил звук. А Родион удивился – надо же, Белград рок-н-роллы передает!

– А Степаныч тебя хвалит, – вытерев шею платком, добродушно произнес Михаил Кузьмич. – Говорит – работающий и технику знаешь. Значит, не зря мы участкового уговорили. Что ж, нам шофера нужны – страда, сам понимаешь! Раньше-то бывало и студентов на помощь

пригонят, и солдатушек, а теперь – на пленуме сказано, от этого отходить, самим хозяйствовать – «прибыльно, рачительно и разумно». Ну, оно и правильно, если вдуматься – каждый своим делом заниматься должен. А с другой стороны – где ж МТС в страду столько шоферов найдет? Тем более, колхозов-то у нас – наш вот, «Светлый путь», да в Климовке – имени Тельмана, еще «Луч Ильича», и имени Восемнадцатого партсъезда! Четыре колхоза на МТС! Ну. Степаныч, ничего, молодец, справляется.

Председатель еще много чего говорил все в том же духе, Родион его и не слушал, погрузившись в свои мысли – было ведь, о чем подумать. До возвращения участкового осталось десять дней... нет, уже девять, а там... Там – разоблачат, как шпионов. Неминуемо разоблачат, и что дальше? Тюрьма, лагеря? Именно так все и будет, если вовремя ноги не сделать. Болото! Обязательно завтра же съездить... даже и повод не надо придумывать – другу Сереге номер помочь поискать.

– Во-он у того здания тормозни!

Черт! И не заметил, как приехали уже. Город! Нет, скорее – окраина. Железнодорожные пути, пакгаузы, склады... Лозунг – белым по красному – ну, а как же без этого?

«Товарищи, повышайте производительность труда!»

– Тут пока жди, в тенечке, – выбравшись из салона, председатель прихватил портфель и скрылся за дверью какой-то конторы.

Родион тоже вышел, походил вокруг машины, покосился на стоявший неподалеку синий четырехсотый «Москвич», жутко похожий на «Опель», протер стекла тряпкой, потом, распахнув двери – все ж хоть какой-то сквозняк, включил радио – рок-н-роллы послушать.

Ага, рок-н-роллы... Снова какая-то опера... Заунывные песни народностей... Бормотание... Новости. Ну, от нечего делать, можно и новости послушать.

– Прр... шшш... Георгий Максимилианович Маленков и первый заместитель председателя Совета министров СССР, министр внутренних дел товарищ Лаврентий Павлович Берия по приглашению федерального канцлера Аденауэра посетили первый съезд христианских демократов Объединенной Германии... шшш... прр...

Что такое?

Молодой человек дернул шеей. Послышалось, что ли? Какая в эти времена Объединенная Германия?! Есть ФРГ – обычная, буржуазная, и ГДР, где социализм строят.

А может, со временем ошибочка вышла, может, никакие сейчас не пятидесятые... Нет, точно – слышалось. Да и на солнышке перегрелся – бывает.

Или...

Сидевший в «Москвиче» водитель – пожилой лысоватый дядечка – увлечено читал газету... вот отложил.

– Товарищ... Вы газеточку почитать не дадите? – подскочив, вежливо попросил Радик.

– Газету? А, пожалуйста, бери. Только это – вчерашняя.

– Спасибо большое.

Вчерашняя...

От 3-го августа 1958 года!!!

И – на первой полосе, рядом с Маленковым – улыбающийся Берия! Который еще лет пять назад расстрелян как вредитель и английский шпион!

Глава 2

Август 1958 года. Колхоз «Светлый путь»

Стрелы

Нет, а что дальше-то? Что еще-то в газетах пишут?

«Товарищ Г. М. Маленков на съезде колхозников-ударников», «Выступления тов. Л. П. Берии на торжественном заседании генеральной прокуратуры», «...на встрече со студентами МГУ» Надо же! Хорошо расстрелянный – со студентами встречается, на торжественных заседаниях выступает...

Снова Маленков, на этот раз – среди пионеров. А вот – он же – с Иосифом Броз-Тито. И рядом – опять же – Берия!

«Нормализация отношения с СФРЮ». Однако... А с Китаем, интересно, как?

А не рассорились! Вон заголовок – «Русский и китаец – братья навек!». Визит маршала Булганина в КНР. Совместные маневры.

Позвольте, позвольте... а где же Хрущев? Куда же запропастился харизматичный и по-детски непосредственный советский лидер? Который, судя по всему – и не лидер вовсе. А вот он... на второй странице – «Н. С. Хрущев выступает на партхозактиве МГК Москвы». Что-то слабовато для лидера... Маленков тут везде... И Берия! Берия здесь, Берия там... Выступает... И что говорит? А вот что...

«... постоянно совершенствовать социалистическую законность, расследовать уголовные дела непредвзято»... кто бы спорил? «Постепенно перевести все фабрики и заводы на хозрасчет», «смелей выдвигать национальные кадры», «не теряя бдительности, изжить наконец шпиономию, которая очень часто мешает реальному делу», «поднять на новый уровень нефтяную промышленность Закавказья»...

И ни слова – о врагах народа, о вредителях, шпионах!

Это не то время!!!

Снова поползли по лбу капли пота... только на этот раз вовсе не от жары.

Это время – вовсе не прошлое той России, в которой родился и жил Родион! Это какое-то свое, параллельное, время, совершенно иной мир, где Берия – вовсе не расстрелян и никакой не подлец, а в общем-то. вполне вменяемый лидер, зам Маленкова, ну, Маленков сам по себе – не фигура. Фигура – Берия! Свершено иной Берия, не тот, которого знал по гнусным перестроечным статейкам убогий российский обыватель... другой... Настоящий!

И партия, КПСС, похоже, ничего уже в стране не решает. Все – Совет министров – правительство. И еще – вон, ниже – Съезд народных депутатов.

Совершенно иной мир! И СССР в нем – иной. Уже свободный от многих жупелов и, если так можно сказать, – многообещающий.

То-то участковый... То-то с документами так просто прошло! Да уж – от подозрительности избавились. Не все, правда, но...

– Что, зачитался? – вернувшийся председатель грузно уселся на сиденье. – Трогай, в мастерские поедем.

Они обернулись быстро, вернулись в станицу не к утру – к двенадцати. Оставив машину во дворе МТС, Родион пришел домой в самых противоречивых чувствах. Даже есть не хотелось, и усталости никакой не чувствовал... даже не обратил внимание на необычно взволнованную хозяйку.

– Слышь, чего говорю-то?! – нарезая хлеб, повторила Конкордия Андреевна. – Лида, жонка-то твоя, приболела.

– Что?! – наконец-то врубился Рад. – Как так – приболела? Где она?
– Да сиди, сиди... я ей тут, в комнате, постелила – спит! А вечером-то у ней из носу кровь пошла... бывает.

Господи... Только этого еще не хватало!

Кровь!

– Ты уж один пока в сарайчике поспи...

– Так, может, врач?! Врача вызвать.

– Приходила уж фельдшарица. Сказала – покой. А давление у нее, жинки твоей, нормальное и температуры нет – это уж точно, век свободы не видать! Только что-то бледная вся лебедушка сделалась, как вот, полотно.

И все же, несмотря на недомогание, проснулась Хильда рано, зашла в сарай, пошатнулась, едва не упав. Родион подхватил жену на руки:

– Да что ж с тобой такое, милая?

– Сама не знаю, – голос девушки казался бесцветным и слабым. – Словно бы что-то сдавило грудь. И в глазах померкло. Я прилягу на солому, ладно?

– Иди лучше в дом... нет, я тебе отнесу.

– Пустое... Ты обо мне не беспокойся, милый. Ничего! И не через такие беды проходила.

Болото... Срочно проверить болото. Ведь наверняка можно, можно как-то уйти. Черт... еще и болезнь эта. Не было печали.

Болото. Ведь жрец Влекумер их как-то отправил... как теперь выяснилось – не туда. Но ведь отправил же! Волхвовал да заклинанье какое-то произносил... знать бы – какое? И что не спросил, не поинтересовался? Некогда было... Вот так всю жизнь – некогда! Живем себе, как трава растет, все вроде бы чем-то заняты, чем-то таким важным, без чего, кажется, и жить-то нельзя, а на поверку, если присмотреться, остановиться, оглянуться назад – все это якобы важное более таковым уже и не кажется, наоборот даже. То важно, чего когда-то и не замечали вовсе.

– Как вчера съездили? Запчасти привезли? – первое, что спросил Степаныч.

– Да привезли – едва в машину влезли. Надо было на грузовике ехать...

– И съездили бы, да сам знаешь каждый грузовик сейчас на счету. Ладно, хватит болтать, всем – в поле.

В поле, так в поле – куда же еще-то? Родиону нравилось, хоть и тяжело было – нет лучше и благородней труда, чем труд хлебороба! Это не в конторе бумажную пыль глотать.

На току народу прибавилось, не только девчонки, но и парни, подростки из местной школы, видать – на практику. Дела спорились, машины разгружали быстро.

– Эй, Радик, кваску холодного хочешь?

Это Валька все – девка разбитная, справная. Ишь, как глазом васильковым косит, а грудь, грудь-то под платишком ситцевым так и ходит.

Тьфу ты... И куда только глаза смотрят?

О другом думать надобно.

Ближе к обеду Родион все ж таки улучил момент, подошел на весовой к Сереге:

– Слышь, Серый, номер-то как, отыскал?

– Да, извините-простите – фиг! – раздраженно отмахнулся приятель. – Вчера весь обед в сухомятку – на болотине этой чуть ли не брюхом проползал. Нету нигде номера – как корова языком. Видать, в трясину затянуло, теперь уж не сыщешь. А Степаныч, вишь ты, косится... ох, чую, грядет скоро расплата!

– Каким ты высоким штилем выражаться стал! Ничего, голову-то не срубят, не те времена.

– Это уж точно – не те! – Серега неожиданно повеселел и согласно тряхнул чубом.

– А я сегодня с тобой хотел на болотину съездить, помочь поискать.

– Да ну его, этот номер, к ляду!

– Ты же в самую-то тряси́ну не заезжал... не мог он в тряси́ну-то улететь, не на крыльях.

Вместе-то искать веселее. А хлеба бы на току взяли, да сала.

– Да есть у меня и хлеб, и сало! И картошка найдется, и помидорчики... – Парень задумался и, махнув рукой, весело подмигнул. – А, ладно, Родька, поехали! И впрямь – вдвоем-то куда веселее.

Так и сделали, предупредив бригадира, вместо обеда рванули к болоту – по шоссе, потом по грунтовке, по перелеску.

Остановились, приткнули машинки рядом – ЗИС-5 к «газону».

Серега хлопнул дверью, усмехнулся:

– Видел бы нас кто со стороны, сказал бы – ну, точно горилку пить собрались. По-шоферски – дверь в дверь.

– Ла-адно... Ты по той сторонке иди, а я – по этой. В камышах повнимательнее смотри.

– Да смотрел уж.

Ничего интересного осмотр тряси́ны не дал. Номер, конечно, не нашли – да и не могли бы. Родион когда еще его у Влекумера-жреца видел. Интересно, зачем волхву номер? На телегу себе приладить собрался, чтоб гаишники не оштрафовали? А зачем сороке или галке брильянты? Затем и жрецу номер – так просто, вещь непонятная, авось, на амулет потянет.

Нет, не ради номера Радик сюда приехал, но... ничего такого-этакого на болотине не было! Тряси́на, как тряси́на – даже сейчас, в жару, опасная, особо не высохшая и тянущаяся, наверное, на километр, а то и больше. А вокруг – лесостепь, ручей журчащий, овраги – в них травы в пояс нескошеннные, деревца чахлые. Одно слово – неудобь, ни ягод, ни грибов нет.

– Ого – следы, глянь-ка! Мотоциклетные.

– Ха! Удивил – сюда многие заезжают – машины помыть.

– Серый, а ты говорил, тут вещи старинные находили?

– Да пацанва! Я и сам. Когда мелким был, сюда, на овраги, в войнушку играть захаживал.

Ой, мать ругалась!

– А что такое?

– Ась?

– Спрашиваю, чего ругалась-то?

– Да больно уж далеко от станицы, да и тряси́на... сколько коров поглотила – и вспомнить страшно. Да и людей. У нас ведь тут того, пропадали.

– А новые не появлялись?

– Чего-чего?

– Ну, раз одни пропадали, то, может быть, вместо них другие объявлялись. Ну, чужие.

– Не-а, – усевшись на кочку, рассмеялся Серега. – Никаких других не было. Окромя вот, тебя с супругой. На, держи лук, сейчас сало отрежу... Ты давай, садись, хватит там шастать.

Родион тоже засмеялся: вдруг привиделся, как наяву, жрец Влекумер – страшный, морщинистый, с ожерельем из змеиных голов... и гаечным ключом на десять – номер у раззявы-шофера отвинчивал! Вот он, вредитель-то, вот он – двурушник и наймит! Одно слово – жрец, навий. Явно не социалистического настроения товарищ, нет! И куда только участковый смотрит? Да-а... а чем черт не шутит, может, Влекумер тоже пробирался сюда, в этот вот мир? Раз уж сумел их с Хильдой отправить. Кто знает? Может, и так? А раз так, то...

– Эй! Ты чего ржешь-то?

– Не обижайся. А сало у тебя вкусное, ум-м!

– Еще б! Матушка засаливала. Эх, хорошо сидим, Радька... еще б горилки! Ничо, вот страда закончим, я тебе скажу, у кого лучше горилку брать для проставы.

- Ага, вот вернется участковый, да скажет, что я – американский шпион.
- А ты что, американский язык знаешь?
- Американский?! Н-нет.
- Ну, вот. Какой же тогда ты шпион? А участкового не бойся, он то будет делать, что ему Кузьмич со Степанычем скажут. А ты у них пока в передовиках. Так и держись! Да и вообще, в колхозе у нас оставайся, не всегда тут такой аврал, бывает и весело. Увидишь еще. Ух, завалим с тобой в клуб на танцы... извините-простите!
- Водички ты не прихватил?
- Прихватил. Лови фляжку.
- Хороша... Серый, ты говорил, будто тут ребяташки играют?
- Да сейчас уже меньше – велосипеды у них теперь, в школе кружки всякие, в клуб кино каждую неделю привозят – зачем им сюда шляться? Теперь редко кто. А что ты спросил-то?
- Думаю, а может, кто из ребят номер твой отыскал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.